

После завершения съемок фильма Безмолвие у Линь Сяньюя почти не было времени на отдых.

Чжоу Цзе, пользуясь моментом, выбила для него несколько высококлассных предложений: съемки для модного журнала, участие в мероприятиях люксовых брендов и, что самое важное, приглашение на популярное ток-шоу Звездные желания.

Это была программа в прямом эфире, ориентированная на глубокие диалоги и взаимодействие с аудиторией, а вела её Лю Вэй — ведущая, известная в индустрии своей проницательностью и острыми вопросами.

Из-за формата прямого эфира, где не было возможности что-либо вырезать, от гостя требовались молниеносная реакция и высокий эмоциональный интеллект.

Раньше Чжоу Цзе ни за что не рискнула бы отправить на такое шоу прежнего Линь Сяньюя.

Но нынешний Линь Сяньюй, закаленный съемочной площадкой и пережитыми скандалами, обрел глубину во взгляде, а его манера держаться стала куда более уверенной.

— Это отличный шанс, — анализировала Чжоу Цзе. — Ты сможешь обратиться напрямую к зрителям, показать настоящего себя и полностью изменить имидж.

Она помолчала и добавила:

— Но это палка о двух концах. Вопросы Лю Вэй наверняка будут колючими, включая те, что касаются твоих прошлых сплетен и... отношений с господином Цзинем. Ты должен быть предельно собран.

Линь Сяньюй глубоко вдохнул и кивнул:

— Я понимаю, сестренка Чжоу.

Он подготовился к самым острым вопросам, многократно прокручивая в голове возможные ответы.

Однако он и представить себе не мог, что кто-то не станет тратить силы на вопросы, а решит попросту перевернуть шахматную доску.

В день эфира всё было готово.

Линь Сяньюй был одет в новый повседневный костюм от TIANYU, а на шее красовался ставший его талисманом кулон в виде сердечника замка. Легкий макияж, чистый, немного

отстраненный, интеллектуальный образ — он выглядел совершенно иначе, чем на тех скандальных снимках.

Начало эфира прошло на удивление гладко.

Вопросы Лю Вэй, хоть и были острыми, вполне укладывались в ожидания. Линь Сяньюй отвечал достойно, искренне и прямо.

Говоря о прошлых скандалах, он признал свою юношескую глупость и пообещал доказывать всё своими работами.

Рассказывая о съемках в Безмолвии, он поделился трудностями и успехами, выразив глубокую признательность режиссеру Чэню и старшим коллегам.

Даже когда речь зашла об инциденте с Чжао Юйчэном, он лишь ответил, что доверяет закону и сосредоточен на собственной карьере.

Его поведение привело в восторг как фанатов, так и случайных зрителей.

Вау! Как же хорошо говорит Линь Сяньюй! Логично, четко, правильный настрой!

Он будто другой человек! Стал таким спокойным!

Внешность просто топ! Этот образ ему невероятно идет. Это новая коллекция сердечников замка? Хочу такой же!

Переметнулся из хейтеров в фанаты! Вот это кумир, которого стоит любить!

Общественное мнение стремительно менялось в лучшую сторону.

Во время рекламной паузы Чжоу Цзе за кулисами показала Линь Сяньюю большой палец.

Однако, когда эфир должен был перейти к последнему этапу — ответам на вопросы зрителей, случилось непредвиденное!

Свет в студии внезапно, без всякого предупреждения, яростно замигал, а затем раздался щелчок, и всё погрузилось в абсолютную тьму!

Следом за этим все микрофоны, камеры и суфлеры мгновенно отключились!

Весь павильон утонул в темноте и хаосе!

— Что происходит?!

— Электричество отключили?

— Нет! Это проблемы с проводкой! Где резервное питание?!

— Резервное питание тоже перерезали!

Сотрудники в панике кричали, на площадке творился полный беспорядок.

В темноте сердце Линь Сяньюя ушло в пятки.

Его охватило тяжелое предчувствие. Это точно не случайность!

В этот момент динамики в углу студии, предназначенные для фоновой музыки, издали резкий электрический треск.

А затем через низкокачественные колонки на весь темный зал раздался искаженный, явно измененный мужской голос:

— Линь Сяньюй! Ты, дешевка, пробившаяся в люди через постель! Думаешь, если пригрелся у Цзинь Чэньчжоу, то теперь в безопасности?!

— Кто же не знает о твоих прошлых грязных делишках? Пьянки, ночи с мужчинами, готов на всё ради ролей!

— Как ты получил роль в Безмолвии? Снова ублажил какого-то инвестора? А?!

— Знает ли Цзинь Чэньчжоу, насколько ты грязный? Если он увидит твои старые фото, он всё еще захочет тебя? Ха-ха-ха!

Злобные, грязные слова, словно отравленные ледяные иглы, вонзались в Линь Сяньюя, стоявшего в центре сцены.

Хотя трансляция прервалась из-за отсутствия света, в студии оставалось много зрителей и персонала. Все они слышали каждое слово!

— А-а! — вскрикнула от ужаса одна из зрительниц.

— Кто это говорит?!

— Охрана! Где охрана?!

Ситуация вышла из-под контроля!

Темнота и неразбериха лишь усиливали страх и злобу.

Линь Сяньюй стоял посреди сцены, чувствуя, как леденеет всё тело, а кровь будто застыла в жилах.

Прошрое, которое он так старательно пытался похоронить, было выставлено напоказ в самом уродливом виде!

Даже понимая, что это совершил не он, он всё равно чувствовал головокружение и удушье от обрывков чужих воспоминаний и невыносимого унижения.

Нет... это не я... я не делал этого...

Кто это? Фу Иньянь? Или...

Что делать? Как мне быть?

Огромный страх и беспомощность накрыли его с головой.

Тот, кто мог дать отпор на съемочной площадке, сейчас, перед лицом чистой, внезапной злобы, почувствовал, как разум опустел.

Цзинь Чэньчжоу, находившийся в своем кабинете, почти мгновенно оторвался от документов!

В его сознании, словно пронзительный вой сирены, отозвались мысли Линь Сяньюя, полные ужаса, обиды и беспомощности!

Это было даже острее и хаотичнее, чем в прошлый раз, когда тот попал в беду на съемках!

Что-то случилось!

Лицо Цзинь Чэньчжоу вмиг стало ледяным. Он резко поднялся и, быстро шагая к выходу, набрал номер Тан Чэня. Его голос был холодным, как сталь:

— Проверь! Что происходит на съемках Линь Сяньюя! Срочно! Немедленно!

— Господин Цзинь, совещание...

— Отменить!

Он сбросил вызов, в голове звучали полные отчаяния мысли Линь Сяньюя.

Так темно... так страшно...

Я не такой... я не делал...

Цзинь Чэньчжоу...

Услышав свое имя в его мыслях, пропитанных слезами, Цзинь Чэньчжоу почувствовал, как сердце сжалось от боли!

Он почти видел, как сильно сейчас напуган этот маленький лжец.

Сев в машину, он отрывисто бросил водителю:

— На телевидение! Быстрее!

Затем он снова достал телефон, нашел личный номер режиссера Звездных желаний и позвонил.

...

На площадке хаос продолжался.

Охрана наконец прорвалась внутрь, пытаясь найти источник звука, но темнота и паника толпы только мешали.

Голос с искажителем продолжал неистовствовать, выплескивая всё более грязные обвинения.

Линь Сяньюй до крови закусил губу, впиваясь ногтями в ладони, пытаясь заставить себя сохранять спокойствие, но тело предательски дрожало.

И когда казалось, что его вот-вот поглотит эта всепоглощающая злоба —

Внезапно включился другой, скрытый микрофон, подключенный к внутренней системе оповещения.

Холодный, низкий, полный властности и давления мужской голос, прозвучавший через качественные колонки, мгновенно перекрыл весь шум и визг искажителя:

— Заткнись.

Всего одно слово, но в нем сквозила леденящая ярость и приказ.

В студии моментально воцарилась тишина. Даже голос из динамика осекся. Все были ошеломлены этим внезапным, подавляющим голосом.

Линь Сяньюй резко поднял голову, с недоверием глядя в сторону, откуда доносился звук.

Этот голос...

Цзинь Чэньчжоу?!

Разве он не был в другом месте?

Голос продолжал звучать — неспешно, но каждое слово падало, словно ледяная капля, с непререкаемым авторитетом:

— Группа осветителей, окислился контакт на третьей резервной линии после главного рубильника, немедленно проверить и заменить.

— Охрана, задержать мужчину в синем комбинезоне у юго-восточного пульта управления звуком, он — сообщник.

— Всем остальным оставаться на местах, сохранять порядок. Полиция будет через три минуты.

Его команды были четкими, спокойными и точными, будто он видел всё сквозь тьму.

Хаос на площадке внезапно обрел стержень.

Сотрудники инстинктивно начали выполнять его указания.

Действительно, вскоре в юго-восточном углу поймали того самого предателя, пытавшегося сбежать в суматохе. Свет после короткого ремонта вспыхнул вновь.

Свет разогнал тьму и страх.

Все были в шоке, переглядываясь друг с другом, пока их взгляды не остановились на бледном Линь Сяньюе в центре сцены и на включенном микрофоне, из которого всё еще доносился голос Цзинь Чэньчжоу.

Линь Сяньюй стоял под светом ламп, глядя на восстанавливающийся порядок, и слушал спокойный голос, от которого становилось так легко на душе. Глаза защипало.

Он... снова спас меня...

Откуда он знал, что здесь происходит? И знал так подробно?

Голос Цзинь Чэньчжоу снова раздался в зале. На этот раз тон был холодным, но очевидно обращенным к Линь Сяньюю:

— Линь Сяньюй.

Услышав свое имя, Линь Сяньюй инстинктивно выпрямился:

— ...Я здесь.

— Испугался? — через динамики его голос звучал еще ниже и магнетичнее, чем обычно, и в нем слышалось что-то похожее на... утешение?

У Линь Сяньюя защемило в груди, он энергично покачал головой, а потом, вспомнив, что его не видят, хрипло добавил:

— ...Теперь уже нет.

— Хорошо, — в голосе Цзинь Чэньчжоу промелькнула едва уловимая нотка удовлетворения. — Запомни это чувство.

Он помолчал, и тон его внезапно стал жестким, пропитанным сильной аурой собственника. Его голос разнесся по всей студии, будто пробивая экраны и обращаясь к невидимым кукловодам:

— Игры мелких шутов выглядят лишь жалко.

— Мои люди — это те, кого никто не смеет трогать своими грязными руками.

— Кто еще раз посмеет протянуть лапы...

Он намеренно сделал паузу, оставляя место для ледящего воображения.

Затем его тон смягчился:

— А теперь — домой.

Трансляция резко оборвалась.

В студии воцарилась мертвая тишина. Все были ошеломлены той силой и готовностью защищать, что сквозили в словах Цзинь Чэньчжоу!

Это было уже не просто покровительство, а открытое, нескрываемое предпочтение и прямое предупреждение!

Линь Сяньюй стоял на месте, чувствуя на себе бесчисленные взгляды — шокированные, завистливые, ревнивые, любопытные. Его щеки горели, а сердце, казалось, окунули в теплую воду, и оно радостно ныло.

Он... он сказал, что я... его человек...

И он сказал мне... идти домой...

В этот момент двери павильона распахнулись.

Высокая фигура Цзинь Чэньчжоу появилась в дверях. Он выглядел так, будто спешил: несколько пуговиц на пиджаке были расстегнуты, дыхание сбито. Его взгляд пронзил зал и точно сфокусировался на Линь Сяньюе.

Их глаза встретились.

Линь Сяньюй смотрел на него, открыл рот, но не смог вымолвить ни слова.

Цзинь Чэньчжоу зашагал длинными ногами, под взглядами всех присутствующих прошел через толпу, поднялся на сцену и остановился прямо перед Линь Сяньюем.

Он ничего не сказал, просто снял свой пиджак и, не терпя возражений, накинул на подрагивающие плечи Линь Сяньюя.

От пиджака исходило его тепло и тот самый успокаивающий холодный аромат кедра.

Затем он обнял Линь Сяньюя за плечи, демонстрируя абсолютную защиту, и, игнорируя все взгляды, увел его с места беспорядка.

Только когда они сели в машину и Линь Сяньюй закутался в пиджак, пропитанный запахом Цзинь Чэньчжоу, он будто окончательно очнулся от кошмара.

Он повернул голову и посмотрел на Цзинь Чэньчжоу с его суровым выражением лица. Горло сдавило:

— Господин Цзинь... спасибо вам.

Цзинь Чэньчжоу повернулся к нему, его взгляд был глубоким. Он поднял руку и осторожно стер большим пальцем влагу, неведомо когда выступившую в уголках глаз Линь Сяньюя.

— За что спасибо? — его пальцы были теплыми, а движение — невыразимо интимным.

— Я же говорил, — он смотрел Линь Сяньюю прямо в глаза, его голос был низким и четким. — Ты — мой человек.

— Обижать тебя — значит бить меня по лицу.

Сердце Линь Сяньюя окончательно вышло из-под контроля.

<http://bllate.org/book/18865/1841278>